

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Языки мира. Уральские языки. М.: Наука. 1993. 396 с.

Лингвистический энциклопедический словарь [1], вышедший в свет в 1990 г. был как бы предвестником двух широкомасштабных энциклопедических изданий 90-х годов: (1) "The encyclopedia of language and linguistics" [2] и (2) "Языки мира" (гл. ред. В.Н. Ярцева), которые, не дублируя, а дополняя друг друга, поскольку различны по своему замыслу, подводят итог изучению многообразия языков мира на конец XX века.

Вопреки ожидаемой в издании типа "Языки мира" очень сжатой информации о языках в силу самого характера такого издания, в рецензируемом томе представлены очень содержательные очерки по всем исторически засвидетельствованным уральским языкам от ныне существующих до исчезнувших камасинского, койбалского и маторско-тайгиско-карагаского с самыми разнообразными сведениями по каждому из них. Описание выполнено ведущими специалистами по соответствующим языкам или группам языков на уровне современных знаний в области уралистики и по единой схеме, специально разработанной для энциклопедического издания "Языки мира", что делает это издание особенно ценным в плане сравнительно-сопоставительного изучения соответствующих языков.

Рецензируемый том издания открывается очерком известного уралоиста П. Хайду "Уральские языки", в котором приведено родословное "древо" уральских языков О. Доннера [3] с обоснованными критическими замечаниями автора очерка и дана общая типологическая характеристика уральских языков (см. особенно таблицу на стр. 19). В целом здесь находит обобщение и дальнейшее развитие известная концепция П. Хайду по уральской лингвопалеонтологии, получившая широкое признание. В соответствии с этой концепцией, как известно, уральская прародина располагалась в VI-IV вв. до н.э. к северу от Среднего Урала, между нижним течением Оби и верховьем Печоры, большей частью в Западной Сибири [4]. Хронология распада уральского праязыка, представленная автором очерка, вполне согласуется с современными знаниями в области уралистики.

Этот распад предполагаемой общности уральского языка-основы, который, по мнению автора очерка, состоял из ареальной последовательности связанных между собой диалектов и/или близкородственных языков, начался примерно в VI-IV тыс. до н.э., и первым актом этого процесса было, видимо, переселение предков самодийцев в район Саянских гор. Здесь самодийцы сохраняют известную общность языка до начала новой эры, когда начинается новый этап их расселения, завершившийся в X-XII вв.; это согласуется, кроме всего прочего, с фактами исторического расселения и миграции енисейцев, с которыми самодийцы обнаруживают тесные исторические контакты [5]. Во всяком случае историческое расселение южных самодийцев и енисейцев, с которыми они образуют исторически единый культурно-хозяйственный союз, по времени должно полностью совпадать, тогда как северные самодийцы, очевидно, несколько раньше мигрировали в северные области их позднего обитания.

Следующим актом распада уральского праязыка считается миграция предков финно-пермских народов с Урала в район Волго-Камья с конца III до начала II тыс. до н.э., где на основе соответствующей языковой формации возникли языковые состояния, к которым восходят современные финно-пермские языки. Далее предполагается, что несмотря на спорный характер проблемы существования протоугорского языка, очень вероятно, что предки обских угров и венгров в период между III и I тыс. до н.э. жили по соседству в южном Зауралье, что, впрочем, подтверждается некоторыми древнейшими самодийско-угорскими параллелями [6]. «Анализ некоторых параллелей между венгерским, обско-угорскими и самодийскими языками... подтверждает тезис о диалектной неоднородности уральского праязыка и позволяет предположить, что его "досамодийские" и "доугорские" диалекты обладали рядом общих черт, которые отличали их от "допермских" и особенно от "дофинно-волжских" диалектов... Естественно считать, что "досамодийские" и "доугорские" диалекты образуют

вали единый диалектный ареал и локализовать этот ареал в восточной части уральской прародины» [7].

Представленная в очерке П. Хайду хронологическая схема расселения уральских народов, возможно, потребует в дальнейшем некоторой корректировки в связи с урало-юкагирскими изоглоссами, а также в связи с проблемой общности финно-волжских языков, у которых не наблюдается той гомогенности, которая характерна для пермских языков, но эта схема вполне приемлема по состоянию уралистики на сегодняшний день. Впрочем, уже давно поставленный в специальной литературе по уралистике вопрос об урало-юкагирских языковых связях в рецензируемом томе вообще не затронут. О характере этих связей пока, как известно, нет достаточно убедительных фактов, и мнения расходятся. Е.А. Хелимский, например, склоняется к предположению о том, что в общеуральскую эпоху к ареалу восточно-уральских диалектов мог примыкать и диалект-предок юкагирских языков [7, с. 7], который раньше других отделился и развивался изолированно.

Из типологических особенностей уральских языков, на которые указывает П. Хайду [см. также 8], можно выделить следующие:

(1) агглютинативная морфология с чертами флективности, особенно в эстонском, ливском, саамском;

(2) развитая в большинстве уральских языков система падежей и послеложных конструкций (при отсутствии пока общепризнанных строгих критериев отграничения падежных форм от послеложных конструкций);

(3) лично-притяжательные формы имени (формы так называемого лично-притяжательного склонения);

(4) предикативное оформление имени (в некоторых уральских языках с противопоставлением форм настоящего и прошедшего времени);

(5) многообразие глагольных парадигм с расположением личных глагольных окончаний в конце глагольных форм;

(6) отсутствие пассива в большинстве уральских языков (ср., однако, результативно-пассивные конструкции, представленные в уральских языках);

(7) широкое распространение видовых глагольных форм, особенно в самодийских языках;

(8) отсутствие глаголов обладания;

(9) преобладающий тип порядка слов SOV в предложении;

(10) отсутствие грамматической классификации имени (рода), хотя оппозиции одушевленный : неодушевленный (resp. жи-

вой : неживой) или человек : нечеловек, которые прослеживаются в уральских языках в некоторых разрядах местоимений (вопросительные местоимения, личные местоимения 3-го лица), а также в употреблении форм пространственных падежей (эти формы представлены, как правило, только у неодушевленных существительных), форм множ. числа и собирательных форм имени, в выражении определенности и неопределенности имени, могут в свете новейших воззрений на проблемы рода/класса [9] рассматриваться как признаки именной классификации (рода), во всяком случае представленной в виде скрытой категории.

Общие сведения, сообщаемые П. Хайду, дополняются и расширяются вводными очерками К.Е. Майтинской "Финно-угорские языки", Н.М. Терещенко "Самодийские языки", А. Лаанеста "Прибалтийско-финские языки" и Л. Хонти "Обско-угорские языки". В свете новейших исследований Е.А. Хелимского по исторической диалектологии самодийских языков [7] и исследований в области прасамодийских реконструкций [10; 11], возможно, некоторые сведения в очерке Н.М. Терещенко по самодийским языкам устарели, но в целом ее очерк, равно как и другие вводные очерки, дают достаточно полное и, следовательно, вполне удовлетворительное представление о распространении соответствующих групп уральских языков в настоящее время и в разные исторические периоды, об основных чертах их фонологической, морфонологической и морфологической систем, в меньшей мере об основных чертах их синтаксиса и о словарном составе. В плане квалификации типологии уральских языков с позиций континентально-типологической схематики указывается на номинативный характер их строя.

Конкретные сведения по отдельным уральским языкам содержатся в соответствующих очерках рецензируемой книги. В соответствии с единой схемой описания языков, которая была предложена авторами издания "Языки мира", очерки содержат, как уже отмечалось, самые разнообразные сведения структурно-семантического, социолингвистического, лингвогеографического, типологического и исторического характера по каждому языку, которые дают представление об их строе. типологических особенностях, генетических связях и т.д. Кроме того, в результате использования авторами очерков единой схемы описания языков читатель получает широкие возможности для их сравнительно-сопоставительного анализа, оттеняющего особенности строя каждого из них. Схема явилась как бы единой мерой научного описания.

сравнения и распределения уральских языков. Правда, каждый автор оставался в рамках соответствующей традиции научного описания того или иного языка и/или группы языков, что внесло, может быть, некоторый разноречивый в использованную терминологию (ср., например, названия и значения описанных по языкам надежд), но, с другой стороны, важно отметить сходное понимание авторами затронутых проблем, что как раз и позволяет сравнивать представленные лингвистические описания, ибо в противном случае читатель сравнивал бы не аналогичные структурные факты, а лишь сходные термины. В данном случае надо, видимо, учитывать, как отмечено в предисловии, что содержание очерков отражает точку зрения авторов, с которой можно соглашаться, или нет. К тому же развертывание на страницах данного тома широкой дискуссии не соответствовало бы замыслу и характеру энциклопедического издания, каким является "Языки мира".

Особого внимания заслуживают очерки А. Кюннапа и Е.А. Хелимского, которые посвящены ныне уже мертвым камасинскому, маторско-тайгийско-карагасскому и койбалскому языкам южносамодийской подгруппы, в которых обобщены разрозненные фрагментарные архивные материалы по этим языкам из источников XVIII–XIX вв. (исключением является лишь камасинский язык, одна из носительниц которого – К.З.Плотникова – жила в селе Абаклаково до 80-х годов нашего века [см. 12]).

Самым неопределенным почти во всех очерках рецензируемого тома остается, пожалуй, вопрос о залоговых различиях в уральских языках, в частности, вопрос о пассивных формах. Скорей всего его решение следует искать в области результативно-пассивных конструкций [13], как, впрочем, и поступил А.П. Володин при интерпретации соответствующих фактов финского языка, ср.: фин. *hän on kamma-ttu* "она причесана" (результатив) – *hän-e-t on komma-ttu* букв. "ее причесано" (пассив); *hän oli kamma-ttu* "она была причесана" (результатив) – *hän-e-t oli kamma-ttu* букв. "ее было причесано" (пассив); *Tytö-t ovat kamma-ttu*-букв. "Девочки суть причесанные" (результатив) – *Tytö-t on kannu-ttu* букв. "Девочек есть причесано" (пассив) [14]. В целом аналогичные явления наблюдаются и в эстонском языке [15]. Ср. также сходное понимание фактов селькупского языка в очерке Е.А. Хелимского (стр. 362): сельк. *šittjo* "разбудить", *šittjolamqo* "начать будить", *šittmpriqo* "быть разбуженным" и т.д.

Таким образом, том Уральские языки издания Языки мира дает целостное представление о проблеме уральской макросемьи языков в той мере, в какой она разработана на конец XX века, показывает процесс распада уральского праязыка и возникновения исторически засвидетельствованных уральских языков. Включенные в том очерки по отдельным уральским языкам дают читателю возможность, получить достаточно подробную информацию об их строе, типологических особенностях и генетических связях. Хочется надеяться, что грандиозный замысел издания Языки мира будет в полной мере осуществлен, и каждый том оправдает ожидания специалистов. Первый том этого издания, посвященный уральским языкам, оправдал ожидания лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
2. The encyclopedia of language and linguistics. Edinburgh, 1993.
3. Donner O. Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-ugrischen Sprachen // Acta societatis scientiarum fennicae. 1879. 11.
4. Hajdu P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta linguistica Hung. 1964. T. XIV.
5. Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojeden und den jenesseischen Völkern // Acta orientalia. 1953. T. 3.
6. Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.
7. Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Дисс. ... докт. филол. наук в форме научного доклада. Тарту. 1988.
8. Janhunen J. On the structure of the Proto-Uralic // Finnisch-ugrische Forschungen. 1981. P. 44.
9. Corbett, Greville G. Gender. Cambridge university Press. 1991.
10. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: gemeinsame Etymologien. Helsinki, 1971.
11. Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праястория самодийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989. Ч. II.
12. Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe // Mémoires de la Société finno-ougrienne: I – 1971, II – 1978.
13. Типология результативных конструкций / Отв. ред. В.П. Недялков. Л., 1983.
14. Володин А.П. Результатив и перфект пассива в финском языке // Типология результативных конструкций. Л., 1983.
15. Эрелт М. Заметки о пассиве в эстонском языке // Советское финно-угроведение. 1977. № 3.

Г.К. Вернер